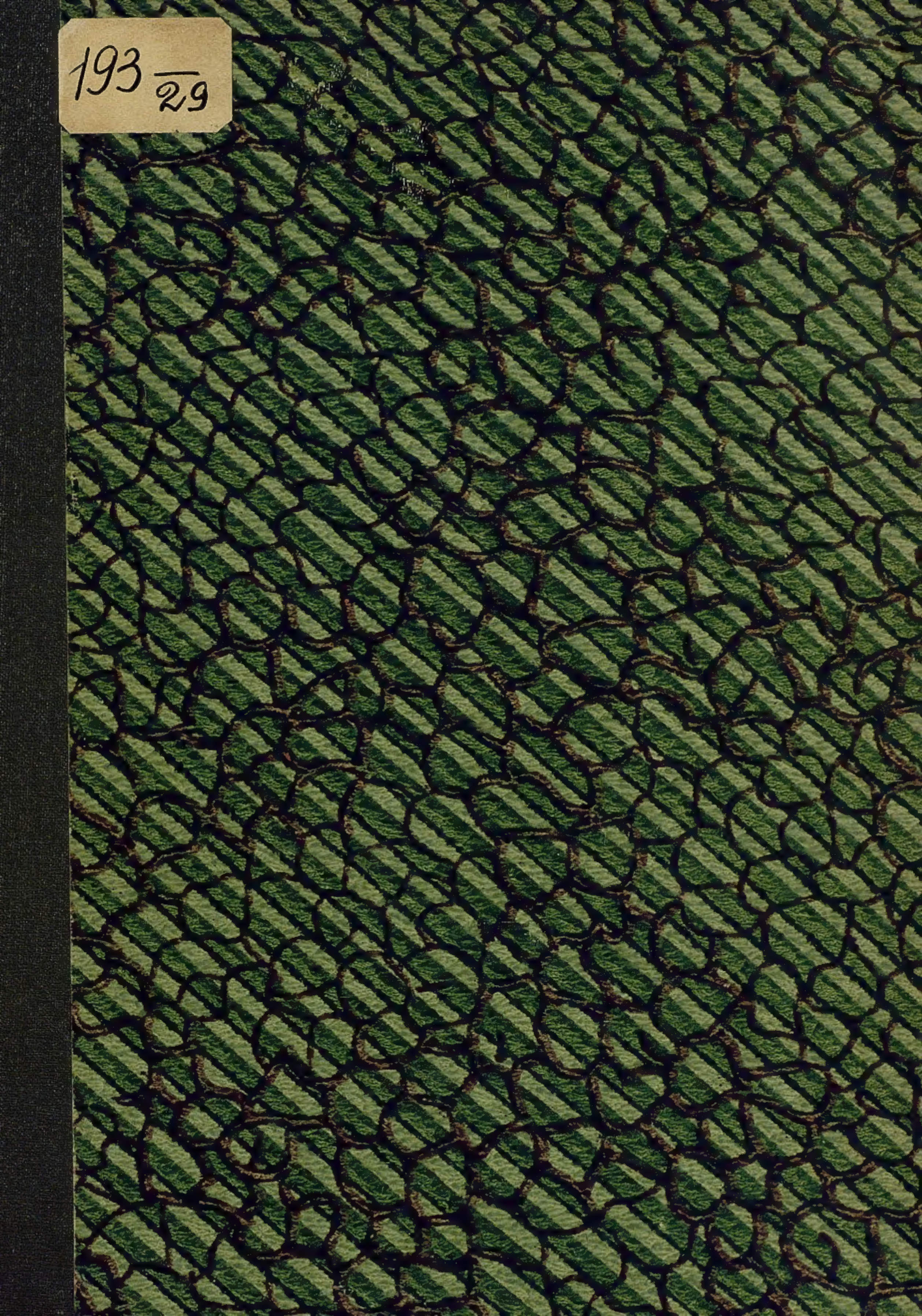

193 29

МАТЕРИАЛЫ
СЕВЕРНЫХ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА.

Ю. Иорданский.

ПЕТРОГРАД.
Типо-литография Редакции специальных технических и экономических изданий
Народного Комиссариата Путей Сообщения, Фонтанка, 117.
1920.

МАТЕРИАЛЫ

СЕВЕРНЫХ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА.

Ю. Иорданский.

ПЕТРОГРАД.
Типо-литография Редакции специальных технических и экономических изданий
Народного Комиссариата Путей Сообщения, Фонтанка, 117.
1920.

Колонизация Севера.

Колонизация всегда играла исключительно важную роль в истории России. Весь процесс возникновения и роста русской государственности и экономической мощи страны неразрывно связан с освоением пустующих территорий и заселением окраин.

Переселение в Сибирь, могучей волной поднявшееся после Японской войны, было экономическим фактором огромной важности, значение которого до сих пор еще недостаточно изучено и оценено не только в жизни, но и в науке и литературе.

Напомним себе общие контуры этого „великого переселения народов" XX-го века. За 10 лет—с 1906 по 1916 год—за Урал прошло 3.800.345 ходоков и переселенцев обоего пола. Водворилось за Уралом за это время—1.724.421 душа мужского пола, т. е. около $3^1/_2$ миллионов переселенцев обоего пола.

Живой поток переселенцев, оседая в Сибири, немедленно принимался за разработку земли, и посевная площадь росла в среднем на 1 миллион десятин в год. Стоимость хлеба, собираемого с вновь разрабатывавшейся ежегодно площади земли, по самому умеренному расчету достигала 60 миллионов рублей в год, т. е. превышала почти в три раза среднюю общую сумму ежегодных расходов государства на переселенческое дело.

Не менее показательны цифры, характеризующие развитие маслоделия за Уралом в связи с колонизацией: в 1905 году из Сибири было вывезено масла на 26,7 миллиона рублей, а в 1912 г. уже на 68 миллионов рублей. Сибирский хлеб, мясо, масло, рыба, кожи, шерсть, туркестанский хлопок—все это непосредственные результаты колонизации.

Во время мировой войны Россия наглядно убедилась, каким грандиозным источником продовольствия всякого рода, фуража и вообще сырья является Сибирь.

Возможность получения этих богатств обусловливается приложением человеческого труда и находится в прямой зависимости от колонизации.

Каков бы ни был взгляд на колонизационную политику до-революционного времени, какой бы критике ни подвергались методы переселенческой работы того времени, нельзя все же не признать, что результаты сибирского переселения в отношении развития экономической жизни всей страны—действительно грандиозны.

И это при остром недостатке средств на переселенческое дело, отпускавшихся настолько скудно, что все мероприятия шли вслед за людской волной, а не предшествовали ей, как бы это следовало при правильной постановке дела. При большей затрате средств экономический эффект проявился бы еще сильнее и весь процесс переселения происходил бы легче. Отдельные опыты показывают, что при планомерной колонизации с затратой действительно достаточных на это государственное дело средств можно говорить о настоящем обогащении страны путем колонизации.

Переселение в Сибирь было резко прервано войной.

С переходом страны к мирному строительству вопрос о колонизации пустующих окраин вновь станет во всю свою величину.

Некоторые исследователи на основании данных переписи 1916 года исчисляют, что при землеустройстве безземельных и малоземельных крестьян Европейской России с доведением землепользования до нормы по 10 десятин в среднем на двор, потребуется около 58 миллионов десятин. Запас же всех удобных для земледелия не крестьянских земель (т. е. частновладельческих, удельных, казенных и т. д.) при этом исчисляется в 49.400.000 десятин. В Европейской России не хватит, значит, 9—10 миллионов десятин для проведения землеустройства. Весь избыток населения, не могущий быть размещенным

на наличном запасе уже освоенных земель, должен быть переселен на колонизационный фонд. Огановский считает, что размеры предстоящего переселения в период проведения землеустройства (10—15 лет) определяются цифрой 20—25 миллионов человек, т. е. в среднем $1^1/_2$—2 милл. в год. Насколько велика эта цифра, показывает уже то, что до войны наибольший подъем переселенческой волны достигал 758,8 тысяч человек обоего пола переселенцев и ходоков (в 1908 году), и это количество переселенцев превысило все возможности обслуживания и планомерного устройства их. Это была стихия, сметавшая все в своем стремлении к земельному приволью. В результате такого стихийного переселения получилось сравнительно значительное число обратных неустроившихся переселенцев.

Устраним на время совершенно из рассмотрения исключительную и небывалую в истории потребность в переселении, вызываемую недостатком земельных запасов для проведения землеустройства.

Остановимся на таком обыкновенном и естественном явлении, как прирост населения каждой страны путем перевеса рождаемости над смертностью.

Прирост сельского населения России, которое во всех странах увеличивается значительно быстрее, чем население городов, до войны составлял около 2 милл. в год. Если бы все это население оставалось в деревне, земельная теснота росла бы чрезвычайно быстро. Для избытка сельского населения должен быть найден выход.

Для всякого народа, уже закончившего свое расселение по предоставленной ему историей территории, задача ослабления вредного влияния избыточного прироста населения решается тремя способами.

Во-первых, часть прироста сельского населения может найти приложение своего труда и прокормиться у себя же в деревне при интенсификации сельского хозяйства. Нельзя, однако, преувеличивать этого фактора. Интенсификация сельского хозяйства происходит медленно, всецело зависит от общего культурно-экономического развития страны и далеко не беспредельна. Прогресс тех-

ники сельского хозяйства должен бороться и с другой вредной силой—с истощением почвы.

В Германии до войны сельское хозяйство непрерывно прогрессировало и стояло на очень высоком уровне,—однако, этот постоянный прогресс не мог отразиться сколько-нибудь заметно на „бегстве из деревни" (Landflucht), вызываемом несоответствием пригодной для обработки площади земли с все увеличивающейся численностью земледельческого населения.

В странах с развитой фабрично-заводской промышленностью значительная часть избытка сельского населения уходит в города, где легко находит себе заработок на фабриках и заводах. Если промышленность процветает, обеспечена широким рынком и сырьем, то быстрый прирост населения не только не ухудшает общего экономического уровня, но, наоборот, мощно содействует материальному и духовному прогрессу страны, и только аграрии всегда жаловались на „бегство из деревни", так как возможность найти работу в городе держала на сравнительно высоком уровне заработную плату сельских рабочих.

Действис этого второго фактора, ослабляющего бремя перенаселенности деревни, однако, не всегда постоянно и тоже не беспредельно. В годы промышленных кризисов, когда индустрия замедляет темп своего поступательного движения, часть избытка сельского населения подвергается опасности пауперизации *).

Излишек населения страны может найти для себя и третий выход—эммиграцию в колонии. При этом в исключительно благоприятных условиях находятся те страны, которые могут свое избыточное население размещать в своих же колониях, создавая новые ценности для своей же родины и открывая новые рынки для продуктов своей индустрии.

Говорить о перенаселенности России, разумеется, нельзя. Огромные пространства пустуют и неисчислимые

*) В Германии перед войной уже заговорили о перенаселенности страны и мерах борьбы с нею. В этом отношении интересна книга д-ра Фердинанда Гольдштейн: „Die Übervölkerung Deutshlands und ihre Bekämpfung".

естественные богатства непроизводительно гибнут из-за отсутствия людей. Русский народ не окончил еще процесса расселения по своей территории. Однако, в обжитых местностях прирост населения велик и ему надо найти выход и производительное применение его труда.

Города до войны брали лишь небольшую часть годового прироста земледельческого населения—всего лишь около 350 тысяч из 2 миллионов человек.

Промышленность при самых благоприятных условиях не может, конечно, в ближайшее время так гигантски развиться, чтобы для нее потребовалось рабочих рук значительно больше, чем до войны. Единственный на первых порах выход для избытка населения—это колонизация.

Переселение для России на долгие годы будет одной из самых важных мер экономической политики, без которой тяжелый и бесконечно длительный демографический кризис неизбежен.

Переходя к ближайшим перспективам колонизации, прежде всего необходимо остановиться на вопросе о колонизационном фонде за Уралом. Сибирь может вместить еще много десятков миллионов людей. Естественные богатства ее не поддаются учету. Это поистине „страна будущего", как назвал ее Нансен. Но нельзя забывать, что возможность разместить за Уралом миллионы переселенцев и разработать неисчислимые природные богатства нужно еще завоевать длительной и планомерной работой. Колонизационный фонд Сибири, на котором можно устроиться немедленно или даже в ближайшие годы,—очень ограничен.

Все легко освояемые земли с плодородной почвой, хорошо орошенные и доступные,—уже заселены. Теперь колонизация должна проникать вглубь страны, в тайгу, в сухие степи, в горно-лесные пространства лишь путем сложного процесса предварительной подготовки земель, который потребует очень значительных средств, целой армии опытных специалистов, технических приспособлений и займет не мало времени. Колонизация Сибири

неизбежно будет затруднена также и противодействием туземного населения—инородческого и русского старожильческого, которое вполне естественно будет опасаться, чтобы поток переселенцев не уничтожил его земельного приволья.

Допустим даже, что централизация государственной власти сделает такие успехи, что уже в ближайшие годы местные интересы и притязания будут ограничены во имя интересов всей страны, но все же причины естественно-исторического характера, указанные выше, не допустят возможности немедленного движения переселенцев за Урал в тех даже размерах, какие необходимы для устройства излишка населения, происходящего от ежегодного естественного прироста, не говоря уже о выселении в порядке землеустройства. Не только устроить за Уралом, но даже и перевезти туда такое количество переселенцев, которое, по вычислениям Огановского, подлежит выходу из Европейской России, физически невозможно, принимая во внимание огромные расстояния. От переселения в таких размерах безусловно пришлось бы отказаться, пока не будут сооружены новые железнодорожные линии и русские дороги не обогатятся колоссальным парком паровозов и вагонов.

Таким образом, возникает необходимость, на ряду с подготовкой земель за Уралом, немедленно же приступить к изысканиям колонизационного фонда и в пределах Европейской России. При этом необходимо иметь в виду, что колонизация является мощным орудием для развития производительных сил страны.

В разумном сочетании двух задач—развития экономической жизни путем рационального использования естественных богатств и путем этого создания возможности производительного приложения труда избыточного населевия и заключается руководящее начало для установления принципов и методов колонизационной работы.

Русский Север, считая только губернии Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Череповецкую, Северо-Двинскую и часть Пермской (Чердынский у.), представляет собой огромную территорию, превышающую $1^1/_2$ миллиона квадратных верст, с чрезвычайно редким населением. Этот обширный край, безлюдный и бездожроный, но одаренный естественными богатствами, должен явиться ареной широкой и интенсивной колонизационной деятельности.

Говоря о „колонизации“ Севера, необходимо раз навсегда отрешиться от обычного понимания этого термина, как переселения людей в целях их *земледельческого* устройства. Колонизация—это система мер к общему развитию экономической жизни края путем использования его естественных богатств. Органической частью этого процесса развития является увеличение емкости края, возникновение возможности приложения труда все большего и большего числа людей в разнообразных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, а на ряду с этим—и в сельском хозяйстве.

Здесь нет надобности останавливаться подробно на перечислении естественных богатств Севера. Достаточно вспомнить про ископаемые богатства Олонецкой губернии, рыбные и зверовые богатства Беломорского побережья, про средоточия сил падающих вод, а главное—учесть достаточно значение северных лесов, чтобы иметь право утверждать, что экономическое оживление Севера имеет не только обще-государственное, но и *мировое значение.*

Древняя Русь умела пользоваться богатствами Севера. Петр Великий энергично развивал металлургическую промышленность в Олонецком крае, но центр его внимания был все же не здесь, а на Балтийском море. Далее, следует эпоха, когда русский народ колонизовал и осваивал южные окраины своей страны. Затем настала очередь колонизации черноземных степей Сибири. Север был забыт. И только с началом мировой войны вновь поднялся интерес к Северу.

Отдельные попытки развития жизни северного края, конечно, были; но именно потому, что это были отдельные,

разрозненные мероприятия, не объединенные в одну общую широкую систему, результаты их были незначительны. Резко сказывался недостаток населения, недостаток рабочей силы. Развитие лесной промышленности оттянуло население от рыбного промысла и даже от сельского хозяйства и, вместе с тем, совершенно не содействовало увеличению благосостояния местного населения.

Между тем, главное богатство Севера—лес непроизводительно погибал. Хищническая рубка, при которой использовались только крупные стволы, а мелкие деревья и все порубочные остатки оставались гнить в лесу, превращала огромные пространства в безотрадную, бесплодную пустыню. Единственный способ транспорта—сплав, губил сам себя, так как реки засорялись и делались непроходимыми. Вырубленные пространства не раскорчевывались и не возобновлялись. На них почва заболачивалась и болота, быстро распространяясь, вредно влияли и на соседние ценные насаждения.

Без достаточного местного населения нельзя говорить не только о лесоиспользовании, но даже и о лесохранении. Лес без населения—мертвый капитал.

Несмотря на возможность заработков на Севере, при полном недостатке местного населения, притока рабочих рук из-вне не было, да и быть не могло: край отрезан бездорожьем. Не говоря уже про Архангельскую и Северо-Двинскую губернии—в Череповецкой губернии, совсем под Петроградом, существуют сотни селений, доступ к которым возможен только по тропам, да и то несколько месяцев в году.

Проведение Архангельской линии Северн. жел. дор. и постройка Мурманской магистрали не отразились на крае так, как следовало бы ожидать. Эти дороги преследовали одну цель—связать центр с морем. У них были чисто транзитные цели, местную жизнь они мало затрагивали.

Для развития края нужны многочисленные подъездные пути—рельсовые, водные, гужевые. Только тогда, когда Север получит кровеносную систему в виде целой сети путей сообщения, прорезывающих его до самых отда-

ленных районов, можно говорить о его оживлении. Пути сообщения должны быть одним из самых важных колонизационных мероприятий и, соответственно с этим, и взгляд на них, как только на транзитные учреждения, отгороженные полосой отчуждения от местной жизни, должен быть изменен. Все дороги Севера—колонизационные дороги. Они призваны активно работать в деле развития производительных сил районов своего влияния. Примеры Канады и Сибири учат, что именно железные дороги являются той силой, которая пробуждает жизнь в пустынных территориях. Все развитие края должно базироваться на путях сообщения; они являются „колонизационными осями“, по меткому и точному определению инженера Б. П. Жерве, от которых жизнь распространяется вглубь страны постепенно, по мере развития сети подъездных путей—рельсовых, грунтовых и водных.

Как было уже упомянуто раньше, колонизация Севера должна базироваться на промышленном использовании естественных богатств. Прежде всего—леса. Это не значит, что на сельское хозяйство не нужно обращать внимания. Наоборот, для прочной связи новоселов с краем должны быть созданы условия и для сельского хозяйства, но не как основы жизни, а как только одного из видов хозяйственной жизни колонистов.

Пример такого комбинированного промышленно-сельскохозяйственного заселения уже имеется в истории русского переселения.

Тарские урманы (Тобольской губернии), по естественным условиям мало отличающиеся от лесных пространств Севера, были заселены только потому, что переселенцам была обеспечена возможность постоянного заработка путем организации рубки леса и использования лесных продуктов при помощи методов химической переработки дерева. Новосел жил первое время тем, что доставлял на специально построенные химические заводы пни, которые он выкорчевывал на предоставленном ему участке, очищая его таким образом под пашню и сенокос.

Сельское хозяйство на Севере возможно, главным образом, в виде молочного скотоводства и связанного с ним луговодства. Здесь громадные пространства покрыты луговыми болотами, которые при мелиорации превращаются в прекрасные пастбища и сенокосы. Север—это естественная зона молочного скотоводства. Каких результатов можно достичь—показывает Финляндия, при чем естественные условия ее *хуже*, чем на русском севере. Южная полоса вполне пригодна и для зернового хозяйства и для выращивания технических растений, главным образом—льна.

Быстро бегущие, порожистые реки, с крутым падением, дают возможность использовать гидро-электрическую энергию.

Постройка шлюзов на Сухоне уже производится. При шлюзах будут мощные электрические станции, которые рассчитаны на отпуск энергии не только на обслуживание лесо-технических предприятий, но и для электрофикации железных дорог. В Олонецкой губернии средоточий силы падающей воды особенно много и использование их может освободить весь Петербургский фабрично-заводский район от зависимости от южного или заграничного угля.

Все эти возможности не могли быть осуществлены из-за безлюдья и бездорожья — основных недугов Севера.

В этом отношении дело доходит до трагических курьезов: Ухтинский нефтеносный район до сих пор не обследован вполне и до сих пор спорят о его значении—потому, что туда нельзя доставить по бездорожью нужных технических приспособлений. Паровой котел, застрявший по дороге в Ухту и брошенный там среди болот, надолго останется памятником бездорожья Севера, которому, надо надеяться, все же приходит конец.

Постройка дорог в широком масштабе невозможна, однако, без одновременного создания поселений—колонизационных очагов. Проведение путей сообщения и колонизация должны итти параллельно; как пути сообщения невозможны без колонизации, так и, обратно, колонизация невозможна без дорог.

Все мероприятия для экономического оживления Севера должны быть объединены, должны совершаться по одной разработанной программе, при чем интересы общегосударственные должны быть координированы с местными нуждами.

Работа по оживлению Севера не укладывается в рамки какого-нибудь одного ведомства: в ней должны принять участие самые разнообразные учреждения и организации.

Первоочередной мерой, таким образом, является разработка широкого и точно обоснованного плана колонизации на основании изучения имеющихся в центральных и местных учреждениях материалов и результатов специальных подробных обследований района. Эта задача должна быть выполнена особыми колонизационными экспедициями, которые должны изучить край с точки зрения его будущей колонизации, так как оживление Севера без прилива туда людей, как это было указано ранее, совершенно невозможно.

Изучение и обследование должно начаться от мест сравнительно густо населенных и обжитых и направляться вглубь страны, опираясь на колонизационные оси—пути сообщения. На ряду с обследованием естественно-исторических условий края и выявлением возможности развития промышленной жизни, экспедиции обследуют условия землепользования местного населения, выяснят потребность в земле при местном землеустройстве, что даст возможность определить территориальные размеры будущего района колонизации и уяснить его колонизационную емкость.

На основании данных о природных и экономических возможностях обследуемого района на определенной уже и ненужной местному населению площади, возможно будет запроектировать ряд последовательных работ, составляющих стройную и согласованную систему мероприятий для освоения, развития и использования пустующих пространств.

Ю. Иорданский.

Mar. 7
3 p

